

Живой мертвец

Автор:

Владимир Одоевский

Живой мертвец

Владимир Федорович Одоевский

Не случайно Достоевский в своем первом произведении «Бедные люди» ставит эпиграфом цитату из «Живого мертвеца» Одоевского. Даже интонация разговорного языка героя переходит в повесть Достоевского, и эпиграф кажется частью письма Макара Деушкина.

«Ох, уж эти мне сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную в земле вскрывают! Вот уж запретил бы им писать! Ну на что это похоже, читаешь... невольно задумаешься, а там всякая дребедень и пойдёт в голову; право бы, запретить бы им писать; так-таки просто вовсе бы запретить»

Владимир Федорович Одоевский

Живой мертвец

Посв. графине Е. П. Растопчиной.

– Скажите, сделайте милость, как перевести по-русски слово солидарность (solidaritas)?

– Очень легко – круговая порука, – отвечал ходячий словарь.

– Близко, а не то! Мне бы хотелось выразить буквами тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие; так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначущим поступком, с каждым движением души человека.

«Об этом надобно написать целую книгу».

Из романа, утонувшего в Лете.

Что это? – никак, я умер?.. право! насилу отлегло... нечего сказать – плохая шутка... Ноги, руки холодеют, за горло хватает, душит, в голове трескотня, сердце замирает, словно душа с телом расстается... Да что же? ведь, никак, оно так и есть? Странно, очень странно – душа расстается с телом! – да где же у меня душа?.. да где же и тело? здесь! да где ж у меня руки, ноги?.. Батюшки-светы! вот оно – лежит себе как ни в чем не бывало на постели, только немножко рот покривился. Тьфу, пропасть! Да ведь это я лежу – нет! и не я! – нет! точно, я; словно на себя в зеркало смотрю; я – совсем другое: я – вот руки, ноги, голова – все там, здесь ничего, ровно ничего, а все слышу и вижу... Вот моя спальня; солнце светит в окошко; вот мой стол; на столе часы, и вижу на них девять часов с половиною; вот племянница в обмороке, сыновья в слезах – все по порядку; да полно... что вы плачете? – что? – Не слышат! Да и я своего голоса не слышу, а, кажется, говорю очень вразумительно. Дай-ка еще погромче – ничего! только как будто легкий ветерок подувает, – чудеса! право, чудеса! Да уж не сон ли это? Помню: вчера я был очень здоров и весел и в вист играл, и очень счастливо; вот вижу, куда и деньги положил, – и поужинал с аппетитом, и поболтал с приятелями о том о сем, и почитал на сон грядущий, и заснул крепко, – как вдруг ни с того ни с сего тяжело, тяжело... хочу вскрикнуть – не могу; хочу пошевелиться – не могу... Потом ничего не помню – да вдруг и проснулся... то есть какое проснулся? то есть очутился здесь... Где здесь?.. И слов не приберешь! Ну, право, это сон. Не верите? – Постой, сделаю опыт: ущипну себя за палец, да нет пальца, право нет... Постой, что бы выдумать? дай посмотрю в зеркало – уж оно никак не обманет; вот мое зеркало – тьфу, пропасть! и в нем ничего нет, а все другое в нем вижу: всю комнату, детей, постелю, на постели лежит... кто? я? – ничего не бывало! я перед зеркалом, – а нет меня в зеркале... Поди, пожалуй, какие чудеса! Вот призвал бы сюда господ философов, ученых: извольте-ка, господа, растолковать: и здесь я, и не здесь, и живу я, и не живу, и двигаюсь, и не движусь... Это что? бьют часы; раз, два, три... десять; однако ж пора в канцелярию – там есть у меня интересное дельце.

Надобно насолить этому негодяю Перепалкину, который все на меня наушничает... «Эй! Филька! одеваться!..» Что я? как одеваться? Невозможно! Бывало время, что мне надеть было нечего, а теперь еще хуже – не на что... Однако ж не худо заглянуть в канцелярию... да как же туда отправиться? карету приказать – невозможно; нечего делать – пойти пешком, хоть и неприлично. Двигаться-то мне с одного места на другое очень легко... дай попробую; благо двери отворены... Вот мой кабинет, гостиная, столовая, передняя; вот я и на улице... да как легко, земли под собой не слышу, так и несусь – хочу скоро, хочу тихо... Да это, право, недурно – и шагать не надобно... А, вот и знакомые! «Здравствуйте, ваше превосходительство! раненько изволите идти?..» Прошел мимо и внимания не обратил... Вот и другой: «Здравствуйте, Иван Петрович!» Тоже ни гу-гу – странно! Батюшки! коляска – во весь опор! тише, тише! наедешь дышлом! не видишь, что ли?.. Ахти! сквозь меня коляска проскакала, а я и не почуял, кажется, так надвое и раскроила, а ничего не бывало – чудеса, да и только. Однако ж, если на то пошло, ведь, право, мое состояние не плохо: легко, хорошо, никакой заботы; не нужно ни бриться, ни умываться, ни платья натягивать, гуляй куда хочешь, – вольный казак; можно без прогонов всю землю изъездить, никакая тебе опасность не грозит – уж чего тут? коляска сквозь меня проехала, и вот хоть бы что! Так вот она смерть-то; вот она что такое... А награда, наказанье? Впрочем, правду сказать, награды я не ждал, – не за что; да и наказывать меня не за что; были кое-какие грешки... ну, да у кого их нет? Я истинно скажу: ни добра, да и ни зла без нужды я никому не делал – право... вы знаете: я человек откровенный; ну, разумеется, когда ждешь беды, то иногда, так сказать, и подставишь ногу ближнему... да что ж тут делать? человек на тебя лезет с ножом, неужели же ему шею подставить? Жил я умненько, учился на железные гроши, в наследство получил медные, а детям оставил коку-с-соком, даже ни в какое заведение не отдавал их, чтоб лучше за их нравственностью наблюсти, сам воспитал их, научил важнейшему – как жить в свете, и если моих уроков послушают, далеко пойдут; правду скажу: душой, так сказать, почти не кривил, разумеется, иногда, смотря по обстоятельствам, понатягивал... да! как подумаешь, понатягивал – но только когда можно было натянуть... кто ж себе враг? Да как бы то ни было – от всех почтен, от всех уважен, из ничего вышел в люди, и все сам собою... дай Бог всякому так сводить свои дела... А! да вот и канцелярия! Посмотрим, что-то здесь делается. Так, сторож дремлет по-всегдашнему – уж вот что с ним ни делай. «Сидоренко! Сидоренко!» – не слышит! и двери затворены... Как тут быть? хоть век оставайся в передней, – добро бы у нужного человека... А! вот кто-то идет... мой чиновник, – ну, двери настезь... «Батюшка! помилуйте, прихлопнули», – да нет, я сквозь доску прошел... А что, подумаешь, ведь это не так дурно... как я этого прежде не догадался? Так, стало, для меня нет ни дверей, ни запоров; стало

быть, нет от меня и секрета?.. ну, право же, это недурно, – весьма может пригодиться при случае... Ах, лентяи! чем бы делом заниматься, а они кто на столе, кто на окончине развалились и точат лясы. Хоть бы привстали, невежи, – хоть бы поклонились – вот приучи их к порядку... А! вот и старший; посмотрим, не пугнет ли их немного...

Старший. Господа! нельзя ли по местам? Ведь болтать можно и сидя за бумагой; не все равно? кто вам мешает? оно, разумеется – почему не так? – вот мы, бывало, в старину, в канцелярии и в картишки игрывали, да с оглядкой – и ничего, право! Столы у нас тогда были маленькие: вот мы бумаги разложим, и давай в бостончик; идет начальник – мы карты под бумаги; начальник войдет – все благоприлично; а то что вы, нынешние? развалились по столам, по окошкам; ну, войдет Василий Кузьмич – когда тут вскочить? Беготня, беспорядок – беда, да и только, особливо теперь: ждет награды, знаете какой бывает сердитый в это время...

Один из чиновников. Еще рано Василью Кузьмичу. Он вчера до трех часов в карты играл...

(Всё знают, проклятые!..)

Второй. Неправда – он у Каролины Карловны...

(И это знают, злодеи!..)

Третий. Ничуть – у Натальи Казимировны...

(И это также... кто б это подумал?..)

Четвертый. Да неужли у него две интриги разом? этакой старик...

Третий. Старик? смотри, коли он нас всех не переживет! Поест ли, попить ли – его дело, и в ус не дует! Даром что святошу корчит... всех нас за пояс заткнет...

Тьфу, негодяи какие! Не знал же я вас прежде!.. И слушать больше не хочу... Сорванцы, болтуны!.. Вот, постойте!.. Опять забылся; уж не унять мне их!.. А досадно: уж как бы раскассировал... Что тут делать? Эх, волки их ешь!.. Надобно

чем-нибудь развлечься. Дай пойду послушать, что скажет князь, как услышит о моей кончине, как пожалеет... Ну, скорее. В приемной одни Кирила Петрович – и в слезах, – верно, обо мне: то-то, друг один никогда не изменял! Хорошо, что не знал ты одного дельца... сказал я про тебя одно словцо, которое ввек тебя бороздить будет, – да нечего было делать: зачем тебя назначили именно на то место, которого мне хотелось... кто себе враг? Но, кроме этого, я тебе всегда во всем был помощник, и ты можешь обо мне поплакать. А! вот к князю и двери отворяются... Войдем...

Кирила Петрович. Я к вашему сиятельству с неожиданным, горестным известием: Василий Кузьмич приказал долго жить...

Князь. Что вы говорите? да еще вчера...

Кирила Петрович (всхлипывая). Сегодня ночью удар; прислали за мною в восемь часов – уж едва дышал; все медицинские пособия... в девять часов Богу душу отдал... Большая потеря, ваше сиятельство.

Князь. Да, признаюсь – таких людей мало: истинно почтенный был человек.

Кирила Петрович. Деятельный чиновник...

Князь. Правдивый был человек.

Кирила Петрович. Прямая, откровенная душа! Уж, бывало, что скажет, верь как святому...

Князь. И вообразите – как будто нарочно, только сегодня сошло об нем представление...

Кирила Петрович (плачет). Ах, бедный! А он так ждал его...

Князь. Что делать! видно, судьба его умереть без повышения... Жаль!..

Кирила Петрович (рыдая). Да! уж теперь ему ничего не нужно...

Василий Кузьмич. Как не нужно?.. Помилуйте, ваше сиятельство! за что же такая обида? Да! я и забыл... уж не нужно и повышения... Ах, обидно! Ну уж, видно, я и впрямь умер... Да отчего бы так, впрочем? что нужды, что я умер! ведь я в отставку не подавал: пусть бы чины себе шли да шли... кому ж от того помеха? а и мертвому приятно... Ах, не догадался я прежде! Что бы составить об этом проектец... Досадно, больно...

Кирила Петрович. Да, теперь ему более ничего не нужно! Но у него осталось семейство... если б ваше сиятельство...

Князь. Как же! с большою охотою. Заготовьте мне записку... Но только я вам должен сказать, – ваше искреннее участие в Василье Кузьмиче делает вам много чести.

Кирила Петрович. Как же иначе, ваше сиятельство. Он был мне истинный, неизменный друг...

Князь (улыбаясь). Ну, не совсем...

Кирила Петрович (отирая слезы). Как не совсем? Что вы хотите сказать этим, ваше сиятельство?..

Князь. Да, теперь дело прошлое, а я скажу вам; если вы не получили того места – знаете?.. то не кто другой тому причиною, как Василий Кузьмич... Мне больно это вам открыть, а это так...

Василий Кузьмич. Ай! ай!

Кирила Петрович. Вы меня сразили, ваше сиятельство!.. Да что ж он мог про меня сказать?..

Князь. Да ничего в особенности, а так вообще заметил, что вы человек неблагонадежный...

Кирила Петрович. Да помилуйте, ваше сиятельство, это одно слово ничего не значит – надобны доказательства...

Князь. Я это знаю; я вступался за вас; но Василий Кузьмич только и твердил: «Поверьте мне, я его давно знаю, неблагонадежен, неблагонадежен вовсе...» Это дело, как вы знаете, от меня не зависело, Василий Кузьмич был с весом – и к нему все пристали.

Кирила Петрович. Ах, лицемер, лицемер! Уж если на то пошло, я доложу вашему сиятельству: меня он уверял, что против меня были вы, что он, как с вами ни спорил, как ни заступался за меня...

Князь. Он вам просто солгал...

Кирила Петрович. Поверите ли, ваше сиятельство, не было на свете коварнее этого человека; с виду мужиком смотрел, и то и дело на языке: «Я человек простой, я человек простой», – и прямо всякому в глаза смотрел, – а тут-то и норовит обмануть; всех проводил, ваше сиятельство, всех обманывал... Вот только была бы ему какая ни на есть пользишка... отца бы продал, сына б заложил, мать бы родную оклеветал... право!

Князь. По крайней мере нельзя отнять у него, что он был человек деятельный.

Кирила Петрович. Какой деятельный, ваше сиятельство! Лентяй сущий: только что мастер был бумаги спускать. Вникните-ка в его дела – ничем не занимался. Да и когда ему было? С утра до вечера или интригует, или в вист. Ничего у него не было святого: как дело поважнее, потруднее, так и свалит его на другого; уж на это такой был тонкий!.. Такой всегда предлог отыщет, что и в голову не придет... А там, смотришь, как другие дело все сделали, он его так обернет, как будто сам его сделал... такой хитрец!..

Князь. Но все-таки он был человек не корыстолюбивый...

Кирила Петрович (горячась). Он? такого корыстолюбца свет не привидывал. На маленькие дела он не пускался, потому что осторожен был, как заяц; но извольте помнить его поручение в чужих краях: откуда все его богатство?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/odoevskiy_vladimir/zhivoy-mertvec

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)